

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/52/6

В.А. Сухарева

ЧТО ЕЩЕ НЕ ТАК С ‘АРГУМЕНТОМ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА’?¹

Статья посвящена проблеме индивидуального языка, сформулированной Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования». Проблема рассматривается через призму анализа аргумента против индивидуального языка с опорой на интерпретацию С. Крипке, представленную в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». В ходе анализа обнаруживается концептуальное несоответствие между дескрипцией индивидуального языка, данной в § 243 «Философских исследований», и крипкевской интерпретацией аргумента против индивидуального языка. Автор показывает, что данное концептуальное несоответствие оказывается критическим для аргументации Крипке. Делается вывод, что экспликация данного концептуального несоответствия не только проясняет суть дискуссии вокруг проблемы индивидуального языка, но и позволяет расчистить путь к доказательству возможности индивидуального языка.

Ключевые слова: индивидуальный язык, аргумент против индивидуального языка, Витгенштейн, Крипке, значение.

Введение

Что такое индивидуальный язык? Что имеют в виду, когда употребляют данное выражение? Традиционно под индивидуальным языком понимают гипотетический язык, который в силу необходимости может быть понятен только одному конкретному индивидууму – носителю этого языка [1].

Особый интерес представляет характеристика индивидуального языка, а также аргументация против существования такого языка, представленные Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования». Действительно, так называемый ‘аргумент против индивидуального языка’, или просто ‘аргумент индивидуального языка’, сформулированный Витгенштейном и неоднократно интерпретируемый впоследствии такими философами, как С. Крипке (работа «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»), А. Айер («Может ли существовать индивидуальный язык?»), Р. Рис («Может ли существовать индивидуальный язык?»), Н. Малкольм («Витгенштейн о языке и правилах»), Г. Бейкер и П. Хакер («Скептицизм, правила и язык») и др., представляется весьма неоднозначным в свете развернувшейся вокруг него бурной дискуссии о том, какое понимание данного аргумента корректно, а какое нет.

Цель данной статьи – попытаться показать, что неоднозначность интерпретаций Витгенштейновского ‘аргумента против индивидуального языка’ может отчасти объясняться присутствием некоторой путаницы в понятиях.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00324.

1

Для начала рассмотрим предложенное Витгенштейном определение индивидуального языка.

В § 243 «Философских исследований» Витгенштейн пишет: «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания? (...) Слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, – к его непосредственным, индивидуальным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка» [2. С. 171].

Но что, собственно, значит *понимать* язык?

Понимать язык – значит быть способным *устанавливать значение знаков* этого языка. Таким образом, точное определение того, что значит понимать язык, должно задаваться *концепцией значения*.

Можно выделить два типа концепций значения *по основанию природы значения*.

Первый тип – это традиционные концепции значения, опирающиеся на репрезентативную функцию языка. В рамках концепций этого типа значение рассматривается как *неязыковая* сущность (например: предмет, идея, убеждение, ментальное состояние и т.п.), репрезентируемая или выражаемая знаками языка.

Язык здесь выступает в роли *посредника*, или медиума, между субъективной реальностью и реальностью объективной.

А понимание языка в этом смысле осуществляется как *интерпретация* – т.е. как обнаружение / установление соответствия между значениями (неязыковыми сущностями) и единицами языка (репрезентантами).

Второй тип – альтернативные концепции значения, получившие в некоторых классификациях (см., напр.: [3. С. 173]) общее название *функциональной теории значения*.

В функциональной теории значения репрезентативная функция языка, как правило, полностью нивелируется, а значение рассматривается как сущность, обладающая *сугубо языковой природой*. Конкретно говоря, значение языкового знака в рамках концепций этого типа может определяться как характеристика сочетаемости отдельно взятого знака с другими знаками того же языка, или как функция знака внутри языкового целого.

К главным представителям так называемой функциональной теории значения традиционно относят Г. Райла, который в статье «Теория значения» выдвигает тезис о том, что знать, что означает некоторое выражение, есть не что иное, как «знать правила использования этого выражения» [4. Р. 365], отчасти Д. Дэвидсона с его холистическим подходом к значению, в рамках которого утверждается, что единица языка имеет значение только в контексте всего языка, а также самого Витгенштейна с его концепцией языковых игр, в рамках которой значение слова определяется как употребление слова в языке. Соответствующую дефиницию понятия «значение» Витгенштейн дает в § 43 «Философских исследований».

Язык в этом смысле перестает рассматриваться в качестве субъекта или участника таких отношений, как «соответствие объективной реальности» или «выражение самости», а *понимание языка* отождествляется с *пониманием*

правила в смысле владения техникой следовать правилу словоупотребления. В сущности, язык вообще не понимается (в традиционном смысле) – он просто используется (правильно или неправильно, т.е. согласно правилам или нарушая их).

В целом функциональная теория значения (во всяком случае та ее версия, которую разрабатывает Витгенштейн) строится на основаниях, альтернативных тем, на которые опирались традиционные концепции значения, отождествлявшие понимание языка с интерпретацией в смысле установления соответствия между неязыковыми сущностями и элементами языка. Различие в основаниях проявляется, в частности, в том способе, которым Витгенштейн употребляет слово «интерпретация» в § 201 «Философских исследований»: «Существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией» [2. С. 163]. Это различие можно сформулировать следующим образом: интерпретация может помочь понять отдельно взятое слово, но интерпретация не может помочь понять правило употребления этого слова. В сущности, в данном пассаже Витгенштейн постулирует принципиальную двойственность термина «понимание» (с тем чтобы более явно тематизировать проблему понимания правила).

***

Итак, после того как мы выделили и рассмотрели подробнее два типа концепций значения, становится очевидным, что в дескрипции индивидуального языка, которую мы привели выше, Витгенштейн опирается на концепцию значения первого типа, поскольку говорит об отношении между «словами языка» и «непосредственными индивидуальными впечатлениями говорящего».

В этом смысле условием и критерием понимания индивидуального языка является способность устанавливать соответствие между непосредственными индивидуальными впечатлениями некоего агента и элементами его индивидуального языка.

2

Теперь рассмотрим, каким же образом Витгенштейн формулирует аргумент против индивидуального языка.

Позиция Витгенштейна, как, в частности, подчеркивает Крипке, может быть охарактеризована как «ускользающая» [5. С. 9]. Действительно, составляющие ее положения широко разбросаны по тексту «Философских исследований», и поэтому всякая попытка собрать их воедино заведомо представляет собой интерпретацию. Мы не преследуем здесь цели представить оригинальную интерпретацию аргумента против индивидуального языка, а потому просто попытаемся найти общий знаменатель уже существующих интерпретаций, опираясь в большей степени на интерпретацию, предложенную Крипке.

Итак, суть витгенштейновского аргумента против индивидуального языка (в интерпретации Крипке) можно свести к указанию на невозможность однозначно задать *критерии правильности* или *правила* использования для элементов индивидуального языка. Тогда как в отношении совместного языка – за счет взаимного согласия или несогласия участников коммуникации – достигается иллюзия следования какому-то определенному правилу, т.е. иллюзия согласованности между прошлыми и будущими употреблениями од-

ного и того же слова. В этом смысле индивидуальный язык оказывается невозможным прежде всего потому, что для него отсутствует принципиальная возможность согласовать между собой прошлые и будущие употребления слов.

Действительно, в рамках концепций значения второго типа согласованность внутри бесконечной последовательности употреблений одного и того же слова является одним из ключевых условий наличия у данного слова значения, а следовательно, и одним из ключевых условий возможности понимания данного слова. Таким образом, гипотетический носитель индивидуально-языка, согласно мысли Крипке, сам не будет иметь возможности понимать собственный язык. Следовательно, индивидуальный язык невозможен.

3

Здесь обнаруживается следующее *концептуальное несоответствие*: дескрипция индивидуального языка – а прежде всего определение понимания индивидуального языка – формулируется Витгенштейном в терминах традиционной концепции значения (концепции первого типа), тогда как в так называемом аргументе против индивидуального языка (в интерпретации Крипке) используется определение понимания языка, сформулированное в терминах альтернативной концепции значения (концепции второго типа).

Действительно, Крипке сознательно смещает акценты в рассмотрении аргумента индивидуального языка, и указывает на это в своей работе: «Следуя § 243 ‘индивидуальный язык’ обычно определяется как язык, который любому другому понять логически невозможно. Аргумент индивидуального языка принимается для того, чтобы опровергнуть возможность индивидуального языка в этом смысле. Эта концепция не содержит ошибки, но, как мне кажется, здесь несколько неверно расставлены акценты. На самом деле отрицается то, что можно назвать ‘индивидуальной моделью’ следования правилу» [5. С. 101]. Но насколько такое смещение акцентов оправдано?

4

Вывод о наличии концептуального несоответствия сам по себе не имеет особой теоретической ценности, поскольку предполагает наличие некоторых дополнительных экспликаций и уточнений. Однако он в принципе позволяет нам выдвинуть следующую *гипотезу* (которая, безусловно, потребует дальнейшего доказательства или опровержения): интерпретация аргумента против индивидуального языка, предложенная Крипке, по сути, превращает аргумент против индивидуального языка в аргумент, направленный в пустоту.

Посмотрим, действительно ли это так – действительно ли аргумент против индивидуального языка в интерпретации Крипке бьет мимо цели (и если да, то насколько мимо).

Для этого нам необходимо рассмотреть следующие наиболее очевидные и наиболее вероятные возражения, которые могут быть выдвинуты против нашей гипотезы.

Первое возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке по той причине, что аргумент против индивидуального языка выводится Витгенштейном (и самим Крипке) в качестве следствия опровержения традиционной концепции значения.

Второе возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке, поскольку аргумент против индивидуального языка необходимо рассматривать в более широком контексте – а именно как часть аргументации против традиционной концепции значения.

Третье возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке, поскольку интерпретация слова в смысле установления соответствия между неязыковыми сущностями и элементами языка невозможна без понимания правил употребления данного слова.

Итак, рассмотрим каждое из возражений более подробно (объемы статьи вынуждают нас ограничиться лишь этими возражениями. Однако это не значит, что их не может быть больше).

4.1

Начнем с первого возражения, которое представляется наиболее легко преодолимым. Действительно, Витгенштейн вовсе не опровергает традиционную концепцию значения и не отказывается от ее использования. Он лишь показывает, что традиционная концепция значения является грубым упрощением и опирается на достаточно примитивные представления о языке и принципах его функционирования. В целом традиционная концепция значения не является ложной, но ее основная проблема, как показывает Витгенштейн на примере августиновской картины языка в § 3, состоит в том, что «не все, что мы называем языком, охватывается этой системой» [2. С. 81].

Другой тезис Витгенштейна заключается в том, что традиционная концепция значения несамостоятельна и работает только при определенных условиях: «Указательное определение объясняет употребление – значение – слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже достаточно ясна. (...) мы только тогда скажем, что объяснение обучает его применению, когда почва для этого уже подготовлена» (§ 30–31) [Там же. С. 93].

Таким образом, можно резюмировать, что Витгенштейн не отбрасывает, а, напротив, интегрирует традиционную концепцию значения в свою теорию языковых игр. Он не отрицает существования специфического отношения между именем и именуемым, однако указывает, что это отношение находится в зависимости от правил той языковой игры, в рамках которой функционирует.

Следовательно, первое возражение оказывается несостоятельным: аргумент против индивидуального языка формулируется в контексте, допускающем референцию от слов к неязыковым сущностям.

4.2

Обратимся теперь ко второму возражению. Чтобы второе возражение оказалось состоятельным, нужно показать, что Крипке в ходе аргументации исключает возможность трактовать «понимание слова» в смысле интерпретации (т.е. в смысле обнаружения / установления соответствия между значениями (неязыковыми сущностями) и единицами языка (репрезентантами)).

Однако при более детальном рассмотрении аргументации Крипке можно увидеть, что именно этого Крипке не делает.

Действительно, в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» Крипке использует понятие «интерпретация» в другом смысле. Вся-

кий раз, когда Крипке заводит речь об интерпретации, демонстрируя, что интерпретация работает не так, как ожидается, он говорит не об интерпретации слова как такового, а об *интерпретации правила употребления слова*.

Центральным вопросом всей работы Крипке становится вопрос о том, *как возможно понимание правила словоупотребления*. И ответы на этот вопрос являются главными опорными точками его аргументации:

1) правило не является ментальной сущностью: «Бесконечное множество примеров стола не находится в моем сознании так, чтобы я согласовывал с ними свое будущее. Сказать, что в моем сознании есть общее правило, которое сообщает мне, как складывать в будущем, – значит просто спихнуть проблему к другим правилам...» [5. С. 27];

2) понимание правила не является ментальным процессом (что становится очевидным в результате опровержения исходного предположения Крипке о смысле схватывания правила: «Посредством (...) внутреннего ментального представления я ‘схватываю’ правило сложения» [Там же. С. 14]).

В сущности, Крипке, вслед за Витгенштейном, доказывает достаточно тривиальную вещь, а именно что *правило использования знака не является референтом знака* (или, ближе к терминологии самого Крипке, что правило не является ментальной сущностью, к которой знак реферировал бы в каждом последующем употреблении).

Это значит, что Крипке с самого начала опирается на концепцию значения второго типа, отождествляя значение слова с владением правилом употребления слова. Таким образом, второе возражение также оказывается несостоятельным.

4.3

Третье возражение представляется наиболее фундаментальным.

Отвечая на первое возражение, мы уже показали, что Витгенштейн утверждает зависимость интерпретации слова от правил языковой игры, в рамках которой это слово употребляется. Но для того чтобы третье возражение оказалось состоятельным, необходимо также доказать, что эта зависимость носит односторонний характер.

Однако из текста Витгенштейна этого не следует. Если внимательнее посмотреть на те пассажи из § 30 и 31 «Философских исследований», которые мы цитировали, отвечая на первое возражение, а также на § 30, 31 и 32 в целом, то можно увидеть, что между интерпретацией слов и пониманием правил их использования, согласно Витгенштейну, существует *взаимная зависимость*. Такая взаимная зависимость наиболее полно проявляется при освоении новых языковых игр, например когда человек осваивает с нуля чужой язык, «основываясь на указательных определениях» (§ 32) [2. С. 94]. Витгенштейн признает, что в такого рода контекстах более глубокое понимание правила может быть достигнуто только посредством обращения к помощи интерпретации в форме указательных определений.

Но чтобы парировать третье возражение, недостаточно ограничиться доказательством существования взаимной зависимости между интерпретациями и правилами. Необходимо также доказать – и вот тут-то мы, наконец, сталкиваемся с Крипке и его аргументом против ‘индивидуальной модели следования правилу’ лицом к лицу, – что в рамках индивидуального языка

присутствуют оба элемента отношения взаимной зависимости и что для носителя индивидуального языка существует возможность следовать правилу индивидуально.

Коротко наметим несколько возможных стратегий доказательства возможности индивидуальной модели следования правилу.

1. Один из наиболее широко признанных аргументов в защиту возможности следовать правилу индивидуально и против утверждаемой Крипке необходимости апеллировать к сообществу для установления значения элементов языка был представлен оксфордскими исследователями Витгенштейна П. Хакером и Г. Бейкером. Пафос подхода Хакера и Бейкера заключается в том, чтобы показать, что Витгенштейн в действительности связывал понятие следования правилу с понятием регулярности, а не с понятием сообщества [6. Р. 130]. Индивидуальная модель следования правилу, согласно Хакеру и Бейкеру, должна быть признана возможной в форме субъективной регулярности употребления знаков или в качестве способности субъекта самостоятельно производить такие регулярности.

2. Многие исследователи признают аргументацию Хакера и Бейкера убедительной (см., напр.: [7]). Особенность представленной ими критики заключается том, что она носит преимущественно содержательный характер. Однако критиковать позицию Крипке (а отчасти и позицию самого Витгенштейна) можно и с методологической стороны.

В частности, наибольшие сомнения вызывает тот факт, что Крипке сосредоточивает свою аргументацию на отрицании *только одной* возможности, а именно на отрицании возможности реконструировать значение слова, исследуя последовательность его употреблений изолированно от системы языка, т.е. сравнивая слово *только* с самой собой, употребленным в разные моменты времени.

Этого явно недостаточно. Необходимо также показать, что значение слова остается непроясненным и в случае сравнения употребления отдельно взятого слова с употреблением других слов того же языка.

Такая же логика направляет исследование Витгенштейна. Так, в § 69 «Философских исследований» Витгенштейн пишет: «Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [2. С. 112]. Однако это утверждение носит явно ложный характер, поскольку границы любого понятия могут быть установлены однозначным образом другими понятиями в рамках всего языка, взятого в целом.

В качестве иллюстрации представим себе язык, состоящий из двух слов: «черное» и «белое». В рамках этого языка граница понятия «белое» будет конституироваться понятием «черное» (причем конституироваться однозначно), и *vice versa*. Оба слова будут также иметь фиксированные значения: «не черное» для понятия «белое» и «не белое» для понятия «черное».

3. В поисках условий возможности фиксированности значений в языке оба исследователя также полностью игнорируют признанный лингвистами феномен *внутриязыковой референции*, который описывает ситуацию, когда референтом той или иной категории являются «вербально сформированные концепты» [8. С. 20] (например, словарные дефиниции). Феномен внутриязыковой референции раскрывает принципы организации концептуальных и языковых систем, а также позволяет объяснить, каким образом формируются

точки отсчета, фиксирующие значения, внутри самого языка (что удовлетворяет требованиям концепций значения второго типа). Сеть внутриязыковой референции в некоторых языках может быть достаточно разветвленной для того, чтобы на ее основании задавались правила употребления слов и терминов. Действительно, множественные перекрестные ссылки между единицами языка, охватывающие и пронизывающие все языковое целое, выполняют работу, во многом аналогичную той, которую призваны выполнять ссылки друг на друга среди участников коммуникации в рамках языкового сообщества. В этом смысле знать слово (или знать значение слова) означает знать место слова в сети внутриязыковой референции, знать, как оно связано с другими словами языка. Поэтому вполне возможно представить себе язык с достаточно «плотной» и разветвленной сетью внутриязыковой референции, чтобы иллюзия *достаточной* фиксированности значений внутри языка достигалась и обеспечивалась без обращения к языковому сообществу.

Таким образом, третье возражение может быть в принципе признано несостоятельным или по меньшей мере может быть ослаблено, если будет принят хотя бы один из приведенных выше пунктов критики.

Из несостоятельности третьего возражения должно также следовать, что индивидуальный язык ощущений, созданный агентом, знакомым по крайней мере с одной языковой игрой (в том числе любым носителем естественного языка) в качестве специфической языковой игры ‘для одного игрока’ (наподобие карточных пасьянсов и т.п.), возможен как язык, понять который *полностью* может только его непосредственный носитель / создатель. Заметно, что мы несколько искажаем исходное витгенштейновское определение индивидуального языка, добавляя в него ограничение, касающееся степени понимания. Данное ограничение представляется необходимым, поскольку – в случае отождествления понимания правила со способностью генерировать / реконструировать регулярности – некоторые правила индивидуального языка могут быть частично реконструированы посторонним лицом (например, исследователем-лингвистом). Однако тезис о взаимной зависимости между интерпретациями и правилами запрещает возможность полностью реконструировать все правила индивидуального языка, потому что для этого потребовалось бы обратиться к помощи указательных определений, невозможных в случае с оущениями.

Вывод

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что экспликация концептуального несоответствия между дескрипцией индивидуального языка, данной в § 243 «Философский исследований», и аргументом против индивидуального языка в интерпретации Крипке как минимум помогает прояснить дискуссию вокруг проблемы индивидуального языка, а также позиции и структуру аргументации вовлеченных в дискуссию сторон, а как максимум (если мы признаем третье возражение нерелевантным) – должна позволить расчистить путь к доказательству возможности индивидуального языка.

Литература

1. Руднев В.П. Язык индивидуальный // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя ред.: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7346>.

2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
3. *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М. : Политиздат, 1968.
4. *Ryle G.* Theory of Meaning // *British Philosophy in Mid-Century*. London : George Allen & Unwin, 1957. P. 350–372.
5. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
6. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Volume 2 of An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
7. *Ладов В.А.* Обозначает ли слово «ощущение» ощущение? (обсуждая аргумент индивидуального языка Л. Витгенштейна) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 18–30.
8. *Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 17–27.

Victoria A. Sukhareva, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 55–64.

DOI: 10.17223/1998863X/52/6

WHAT ELSE IS WRONG WITH THE “PRIVATE LANGUAGE ARGUMENT”?

Keywords: private language; private language argument; Wittgenstein; Kripke; meaning.

The article is devoted to the private language problem formulated by Ludwig Wittgenstein in his book *Philosophical Investigations*. The problem is considered through the prism of analysis of Saul Kripke's interpretation of the private language argument presented in his *Wittgenstein on Rules and Private Language*. The purpose of the analysis is to clarify the meaning of the notion of “understanding the language”. For this purpose, the author of the article distinguishes two types of the theory of meaning. Such a distinction allows achieving the three main objectives of the research. (1) This distinction reveals the fundamental duality of the notion “understanding”. Thus, in terms of the theory of meaning of the first type, “understanding” is identified with interpretation (in the sense of establishing correspondence between non-linguistic entities and linguistic units). While, in terms of the theory of meaning of the second type, “understanding” is identified with understanding of the rule (in the sense of being master of a technique of following the rules of correct usage). (2) This distinction also clarifies how Wittgenstein and his interpreters treat the duality of the notion “understanding”. It is shown that this duality is of great methodological significance for Wittgenstein, who uses it as an important tool for distinguishing between two interdependent aspects of language understanding. In turn, Kripke neglects the methodological significance of this duality and uses the notion “understanding” in one single meaning as understanding of the rule. (3) Finally, this distinction allows explicating the conceptual inconsistency between the description of the private language (given in § 243 of *Philosophical Investigations*) and Kripke's interpretation of the private language argument. The second part of the article is devoted to the justification of the assumption that the above-mentioned conceptual inconsistency is critical to Kripke's argument. The article concludes that the explication of the conceptual inconsistency between the description of the private language and Kripke's interpretation of the private language argument not only clarifies the discussion of the private language problem, but also opens the way for the possibility of a private language.

References

1. Rudnev, V.P. (2002–2018) *Yazyk individual'nyy. Gumanitarnaya entsiklopediya* [The individual language. Humanitarian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7346>
2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Work]. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
3. Vetrov, A.A. (1968) *Semiotika i ee osnovnye problemy* [Semiotics and its main problems]. Moscow: Politizdat.
4. Ryle, G. (1957) Theory of Meaning. In: Mace, C.A. (ed.) *British Philosophy in Mid-Century*. London: George Allen & Unwin. pp. 350–372.

5. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein about the rules and individual language]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2009) *An Analytical Commentary on Wittgenstein's Philosophical Investigations*. Vol. 2. Oxford: Wiley-Blackwell.
7. Ladov, V.A. (2011) Does the word sensation refer to sensation? (discussing L. Wittgenstein's private language argument). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 18–30. (In Russian).
8. Boldyrev, N.N. (2007) Knowledge representation in the system of language. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4(13). pp. 17–27. (In Russian).